

РЕЦЕНЗИИ

STUDIA LITTERARUM: НАУЧ. ЖУРН. 2016. Т. 1, № 1–2.

М.: ИМЛИ РАН, 2016. 416 с. ISSN 2500-4247.

STUDIA LITTERARUM: A SCHOLARLY JOURNAL. [REVIEW]. VOL. 1, NO. 1-2, 2016.

М.: THE GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE OF THE RAS, 2016. 416 pp.
ISSN 2500-4247. (In Russian).

Появление нового научного журнала Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук “Studia Litterarum” не может не вызвать интерес у всех, кто связан с филологией и не чужд академическому изучению литературы. Термин “академический” применительно к журналу не должен отпугивать простых читателей, ибо в данном случае является исключительно знаком качества публикуемых текстов — настроенности их авторов на *высокое* понимание смыслов произведений искусства и *глубокое* погружение в литературный процесс и историко-культурный контекст.

Вспомним, что мифический герой Академ, в честь которого была названа знаменитая священная роща возле Афин (именно там Платон учил мудрости своих учеников), прославился, главным образом, тем, что указал Диоскурам местонахождение Елены Прекрасной, когда похитивший ее Тесей пребывал в Аиде. Задача академического филолога отчасти как раз и заключается в том, чтобы указать в произведении на то живое сокровище, которое в нем содержится и которое было похищено от нас временем, оказалось сокрытым для большинства людей по причине их недостаточной просвещенности и образованности. Дело обретения (осознания ценности и непреходящей актуальности) этого сокровища, безусловно, требует определенных усилий и некоторой подготовки, ибо, как замечал в “Фаусте” Гёте демон Мефистофель (в переводе Б. Пастернака): “Елену вызвать — это шаг / Опасный и немаловажный...”

В коротком обращении к читателям и авторам “О журнале” за подписями главного редактора издания, научного руководителя ИМЛИ, академика РАН Александра Куделина и директора ИМЛИ, профессора РАН Вадима Полонского заявлен позитивный демократический принцип отбора текстов: “Наш журнал призван публиковать результаты новейших научных исследований в сфере литературоведения и фольклористики без ограничения представляемых материалов рамками отдельных национальных художественных традиций, научных школ или областей филологического

знания” (с. 10). Более того, по словам основателей журнала, ряд его рубрик будет ориентирован “на отражение остроактуальных событий научной жизни”, а общая направленность издания предполагает сочетание “верности классическим академическим принципам” с “открытостью потребностям актуального знания” (с. 11).

Последнее — отнюдь не формальная декларация о намерениях, ибо руководство ИМЛИ уже приняло серию конкретных шагов для того, чтобы сделать результаты работы института более востребованными и доступными для заинтересованной общественности. Так, недавно был модернизирован официальный сайт ИМЛИ, на котором стала на регулярной основе публиковаться информация о новых книгах, конференциях, семинарах, лекциях, круглых столах и проч. Была создана электронная библиотека ИМЛИ, не требующая от пользователей оплаты и регистрации, — ее основу составили монографии, коллективные труды, журналы и сборники, подготовленные сотрудниками института в разные годы (многие издания давно стали раритетами и до последнего времени были малодоступны не только для широкого читателя, но и для специалистов). У института появилось свое представительство в популярнейшей социальной сети фейсбук и т.д. В этом плане учреждение периодических изданий вроде “Studia Litterarum” или “Литературный факт” является лишь еще одним из проявлений политики бóльшей открытости ИМЛИ и популяризации им научного знания. О необходимости последнего говорится, в частности, и в международном манифесте “Наука и доверие”, разработанном к 350-летию Французской академии наук и подписанном в конце 2016 года президентом РАН Владимиром Фортовым. В этом манифесте справедливо постулируется, что научные знания являются достоянием всего человечества, и заявляется, что “необходимо передать эти знания каждому, они должны принадлежать всем живущим на Земле”¹.

¹ «Наука и доверие». Совместная декларация // электронный ресурс: <http://www.ambafrance-ru.org/Nauka-i-doverie-Sovmestnaya-deklaraciya>.

Международный характер журнала выражается не только в том, что это само по себе издание Института *мировой* литературы, но также в наличии у него весьма представительного международного редакционного совета, в который вошли авторитетные ученые из России, Италии, Канады, США, Японии, Австрии, Великобритании, Черногории и Польши. Среди членов редакционной коллегии журнала также немало славных имен — достаточно назвать только одно из них — академик РАН Вячеслава Иванова. Важно, что в издание принимаются статьи и материалы на русском, английском, французском, немецком, испанском и итальянском языках. Иными словами, это современный научный академический журнал мирового класса, напечататься в котором — честь для любого филолога.

Первый том журнала, объединивший под одной обложкой сразу два номера, состоит из 6 рубрик и 24 статей. Относительно структуры издания возникает вопрос — насколько является оправданным выделение отдельных рубрик “Мировая литература” и “Русская литература”, ведь при такой градации получается, что великая русская литература — это нечто отдельное от литературы мировой? Возможно, более уместным было бы создать периодические рубрики и публиковать в каждом номере небольшие подборки статей и материалов, посвященные национальным литературам отдельных стран. Тем более что в издании также существует и рубрика “Литература народов России”, наличие которой опять же парадоксальным образом свидетельствует, что, по мнению редакции, русский народ под это определение не подходит и как бы рассматривается отдельно, хотя и проживает, главным образом, в России. В предуведомлении “О журнале” эта коллизия объясняется тем, что рубрики в таком виде воспроизводят “условное деление обширной проблематики исследований мировой литературы и фольклора, которое сложилось в ИМЛИ РАН и в то же время представляется вполне внятным для внешних авторов и читателей” (с. 11).

На самом деле трудности в обозначении подобных тематических блоков объясняются как коварностью бюрократических традиций, закрепившихся еще в советское время, так и дискуссионным характером так наз. общеупотребительной литературоведческой терминологии, внятность которой отнюдь не всегда может быть очевидной для внешних читателей. О том, что такие термины, сколь бы ни были они важны, “всегда могут рассматриваться лишь как вспомогательные средства познания”, — предупреждал еще Александр Михайлов. И он же пояснял, что “как ориентиры, они лишь могут указывать на конкретность исторической

истины, — но не подменять ее собою!”² В связи с “конкретностью исторической истины” нельзя не поприветствовать еще один заявленный редакцией принцип — публиковать материалы, “каждый из которых неизбежно будет посвящен более или менее частному сюжету” (с. 10), ведь внимательность к мельчайшим деталям и сосредоточение на микросюжете во многом отличает профессионального ученого от имитатора науки, создающего бесконечно длинные тексты с грандиозными обобщениями и нарочито усложненным языком.

Открывается первый том “*Studia Litterarum*” разделом “Теория литературы” и замечательной статьей Вадима Полонского “Филология vs философия? В поисках выхода из тупика интерпретаций”, провоцирующей на большую полемику с автором. В ней исследователь обнаруживает трудности в гармоничном сочетании филологического и философского подходов к пониманию текста, а также опасность “насильственной интерпретации”, порой игнорирующей факты и подтачивающей реальность. Как отмечает В. Полонский: “В результате мы сегодня существуем в ситуации чрезвычайного методологического многоголосия и размывания ценностной шкалы научно-критических подходов, усугубленных институциональным кризисом репутации филологии как самостоятельной науки в ее былом классическом понимании среди элит, определяющих исследовательскую политику” (с. 22).

Отдавая должное благородному стремлению В. Полонского отстоять самостоятельное значение филологии и философии, “как враждующих близнецов, теневых двойников друг друга, каждый из которых утверждает себя в правах за счет своего собрата, но в этом собрате одновременно крайне нуждается” (с. 18), нельзя не отметить, что на определенном уровне развития, которого рано или поздно достигают почти все серьезные ученые, искусственно возводимые барьеры между научными дисциплинами практически стираются. Репутация же той или иной области знания в обществе во многом как раз и держится на авторитете таких выдающихся ученых, которых сложно втиснуть в рамки какой-то отдельной дисциплины и у каждого из которых рано или поздно вырабатываются совершенно уникальные методы и стиль, невозпроизводимые даже их последователями по причине того, что они имеют совершенно другой жизненный опыт.

² Михайлов А.В. Методы и стили литературы. М.: ИМЛИ РАН им. А.М. Горького, 2008. С. 6.

Альберт Эйнштейн в своей речи “Мотивы научного исследования” (1918) в связи с этой проблемой особо подчеркивал: “Храм науки – строение многосложное. Различны пребывающие в нем люди и приведшие их туда духовные силы”. По мнению одного из величайших ученых XX столетия, одним из главных мотивов занятий наукой, а значит и выработки собственного научного метода, является то, что “человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной... На эту картину и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые он не может найти в слишком тесном головокружительном круговороте собственной жизни”³.

Отсюда неизбежно возникает и ситуация “чрезвычайного методологического многоголосия”, “утомленности” той же филологии “переизбытком теорий”, о которой пишет В. Полонский, начинающий свою статью со знаменитой максимы Фридриха Ницше: “фактов не существует, а <есть> только интерпретации”. На заявление последнего кстати можно посмотреть и совсем иначе, чем это делают многие исследователи: не как на своего рода провокационный протест неистового бунтаря, а лишь как на вполне разумную и взвешенную констатацию радикального изменения в восприятии современным человеком окружающего его мира, реальность которого стала во многом условной, а понимание этой реальности заметно усложнилось. Во всяком случае, стойкая приверженность “практическому консерватизму” и так наз. “объективным фактам”, которые существуют как бы сами по себе и должны быть одинаково понятны самым разным людям, все больше сталкивается с новыми и новыми вызовами.

Одним из способов выхода из сложившегося тупика в развитии теории литературы может быть субъект-субъектный метод чтения текстов, предлагаемый и отстаиваемый, к примеру, Татьяной Касаткиной, которая отмечает: “...та наука, как она существует сейчас в подавляющем объеме, решительно исключает из себя участие именно личности. Причем исключение личности познающего есть лишь следствие первоначального исключения из процесса личности познаваемого. Между тем для гуманитарного знания такое положение дел является сокрушительным, поскольку методология гуманитарного знания принципиально

требует *субъект-субъектных* отношений между познаваемым и познающим, а не субъект-объектных, при которых предполагается исключительно страдательная позиция объекта, подвергающегося воздействию, но не вступающего во взаимодействие”⁴. Разумеется, использование такого метода в филологии предполагает и соответствующее измененное восприятие действительности, при котором утверждение о животворящей природе слова является отнюдь не метафорой.

Статья Андрея Кофмана «Литературные течения. К проекту “Словаря течений литературы XX века. Европа и Америка”» демонстрирует в хорошем смысле дотошную скрупулезность в выяснении того, что в разное время литературоведы понимали под термином “литературное течение”. Кофман совершенно прав, когда заключает: “Действительно, какой бы мощный коллективный “мозговой штурм” мы ни предприняли, мы не сможем навести полный порядок в терминологии в этой области и так прочно расставить все по своим местам, что не останется места вопросам, сомнениям и возражениям. Не сможем хотя бы потому, что литература – живой организм, который не укладывается в прокрустово ложе схем и классификаций” (с. 38). Сам по себе задуманный проект словаря, безусловно, интересен и актуален, однако, думается, что подобные издания в будущем целесообразнее делать сразу в виде интернет-проектов, созданных по принципу Википедии, где, однако, вносить правки и дополнять статьи будут иметь право лишь авторы, входящие в научный коллектив этого ресурса. Такой формат сразу снял бы обычную для бумажных изданий энциклопедий проблему ограниченности их объема и позволил бы на постоянной основе поддерживать актуальность размещенного материала, периодически его обновляя и дополняя, расширяя и уточняя историю вопроса и библиографию, оттачивая формулировки и выводы в сопутствующих сетевых дискуссиях относительно наиболее спорных моментов.

Владимир Седельник в работе “Категория межлитературности и проблема национальной принадлежности писателя (на примере Швейцарии в ее взаимосвязях с родственными по языку странами)” также затрагивает вопрос ускользания живых явлений литературы от бритвы терминов и топора определений историков и теоретиков литературы. Некоторые оценки автора мне представляются спорными, например, его заключение о том, что легендарное соперничество

³ Эйнштейн А. Собр. научных трудов: В 4 т. Т. 4: Статьи, рецензии, письма. М.: Наука, 1967. С. 40.

⁴ Касаткина Т.А. О субъект-субъектном методе чтения // Новый мир. 2017. № 1. С. 126–144.

семи городов за право считаться родиной Гомера было сугубо “внутрисемейным спором в границах одного этноса, особой остроты не имело и по тем временам иметь не могло” (с. 49). Вопрос состоит в том, что вообще можно считать “особой остротой”, составляли ли Смирна, Хиос, Колофон, Саламин, Родос, Аргос и Афины на тот момент единый “этнос” в современном понимании этого слова и нет ли здесь, в целом, некоторого упрощения “тех времен”? Рассуждая о проблеме национальной принадлежности писателей, исследователь, на мой взгляд, также гиперкритически относится к их сложной самоидентификации, которая, напротив, всегда должна стоять для литературоведа во главе угла. Еще А.С. Пушкин писал в письме А.А. Бестужеву в конце января 1825 года, что “писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным”⁵. Седельник же полагает, что собственное мироощущение автора для того, кто его изучает, вещь второстепенная. Так, к примеру, говоря о том же Гомере, он поясняет: “И даже если бы сам поэт назвал место своего рождения и публично признался в патриотической привязанности к родному углу, от этого ничего бы не изменилось”.

Рубрика “Мировая литература” в первом томе журнала состоит из материалов, посвященных самым разным культурам и, в ряде случаев, произведениям, почти неизвестным массовому читателю. Вместе с тем порой выводы авторов нуждаются в проверке. Так, Вера Шервашидзе в статье «От культа “Я” к культу предков (Трилогия М. Барреса “Культ «Я»»)» пишет, что “в отечественной науке творчество Барреса малоизучено, российскому читателю он неизвестен, так как его произведения ни разу не переводились на русский язык” (с. 132). Последнее категоричное утверждение опровергается обращением хотя бы к электронному каталогу Российской государственной библиотеки, где указано, как минимум, одно произведение Барреса, переведенное на русский еще при его жизни, — я имею в виду политическую комедию “La journée parlementaire”, изданную в Москве в переводе Ф. Духовецкого в 1895 году под заголовком “Изнанка”. Это, разумеется, несколько не снижает ценности работы Шервашидзе, действительно, приоткрывающей русскоязычному читателю мир французского писателя и политика Мориса Барреса.

Из работ, опубликованных в рубрике “Русская литература”, можно выделить интересную статью Натальи Блудиной «“Путешествия разума” русского культурного общества 1760-х гг.

Просветительно-издательская деятельность литературного кружка М.М. Хераскова», в которой рассматривается связь русской литературы 60-х годов XVIII столетия с масонством. К сожалению, в приведенном в конце этой замечательной статьи списке использованной литературы нет ссылок на труды наиболее крупного и авторитетного современного историка российского масонства Андрея Серкова, хотя в подготовленном им энциклопедическом словаре даже указаны масонские ложи, в которые в разные годы входил М.М. Херасков⁶. Вместе с тем в библиографии присутствует книга националистического публициста Олега Платонова “Терновый венец России: Тайная история масонства, 1731–2000”, известного своим отрицанием Холокоста и верой в существование “жидомасонского заговора” против России. В статье Н. Блудиной имя О. Платонова упоминается некритически и мимоходом — просто в ряду других современных авторов, которые писали о масонстве, и поскольку ни одна цитата из его работы в тексте статьи не приводится, мне представляется его упоминание в качестве квалифицированного исследователя масонства ничем не оправданным.

Весьма значимым является присутствие в журнале рубрики “Литература народов России”, хотя и не вполне удачно названной (как можно понять из предисловия, здесь имеются в виду все российские народы, кроме русского), и очень жаль, что эта рубрика, в отличие от остальных, представлена всего одним (!) материалом, а ведь в многонациональной Российской Федерации проживает почти 200 различных народов, и у многих из них есть свои удивительные литературные шедевры! Хотелось бы высказать пожелание редакции, чтобы в последующих выпусках журнала исследований о них было больше, а сама рубрика не исчезла совсем.

В рубрике “Фольклористика” особо отмечу статью Алексея Налепина “Русский фольклор как отражение национального характера в творчестве Бориса Петровича Вышеславцева”, которая написана увлекательно, искусно и максимально корректно, читается на одном дыхании и содержит любопытные сведения и наблюдения. Например, примечателен следующий вывод автора: “Заявленная Вышеславцевым методология и определила его исследование фольклорных текстов для определения основных характеристик русской души. Так, на материале сказочных текстов он особо выделил такие черты национального характера, как

⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1979. С. 96.

⁶ Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 851.

страх бедности, страх горя, страх тяжелого труда и, наконец, самый возвышенный страх — страх разбитой мечты, страх падения с небес на землю” (с. 333–334). Всё это представляется мне чрезвычайно актуальным и при рассмотрении нынешнего состояния российского общества, то есть можно сказать, что статья Налепина не только вносит весомый вклад в разработку наследия Вышеславцева, но и представляет собой благодатный материал для размышлений о русской идее и природе фольклора в целом.

Наконец, последняя рубрика “Текстология. Источниковедение. Публикации” знакомит нас с новыми историко-литературными источниками и документами. В частности, я с большим интересом ознакомился с материалом Ольги Крашенинниковой «Новый источник по истории “Решиловского дела”», посвященным мрачному периоду царствования Анны Иоанновны. Как отмечает О. Крашенинникова: “Подметное письмо 1732 г. является выдающимся памятником русской публицистики периода аннинского правления. По разнообразию и остроте поставленных в нем социальных и конфессиональных проблем, по глубине патриотического чувства и эмоциональной выразительности памфлет не имеет себе аналогов в русской публицистике первой половины XVIII в.” (с. 362–363). Несомненно, обнаружение полного текста этого памфлета, сопровождаемое добротным комментарием, — большая удача редакции журнала.

Разумеется, не все из статей, опубликованных в журнале, равнозначны по своему качеству, ясности мысли и языка, уровню проработки авторами затрагиваемых ими проблем, но все работы по-своему примечательны, безусловно,

профессиональны и, несомненно, заслуживают всяческого внимания и обсуждения. Некоторые же материалы настолько специфичны, что для их оценки нужно обладать определенным уровнем компетентности и хорошим знанием тех произведений, о которых идет речь, не говоря уже о знании традиций и культур, в которых они были созданы. Не сомневаюсь, что такой широкий тематический и географический охват номера лишь побудит многих любознательных читателей открыть для себя неизвестные им ранее литературные памятники. В целом же можно сказать, что первый том “*Studia Litterarum*” вышел на славу ИМЛИ и на радость всему филологическому сообществу.

*Н.Н. Подосокорский,
кандидат филологических наук,
руководитель отдела продвижения в социальных
медиа SMM-агентства “Green”, Россия, 198095,
г. Санкт-Петербург, Тургеневский пер., 3 лит а,
n.podosokorskiy@gmail.com*

*Дата поступления материала в редакцию
3 марта 2017 г.*

*Nikolay N. Podosokorskiy,
Candidate of Philological Sciences,
Head of the Department of Social Media Marketing
Agency “Green”,
3 Litera a Turgenevskiy Lane, St. Petersburg,
198095, Russia
n.podosokorskiy@gmail.com
Received by Editor on March 3, 2017.*